

41-я годовичная научная сессия ИИАЭ ДВО РАН

В Институте истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН 13 и 16 марта 2012 г. состоялось расширенное заседание учёного совета — 41-я годовичная научная сессия, посвящённая Году российской истории, на тему «Дальний Восток в истории и культуре России». В её работе участвовали члены учёного совета института, научные сотрудники, аспиранты, лаборанты-исследователи.

13 марта утреннее заседание сессии открыл директор ИИАЭ ДВО РАН д. и. н., проф. **В.Л. Ларин**. Он отметил, что программа научной сессии подчинена строго определённой тематике, так как президентом РФ Д.А. Медведевым объявил 2012 г. Годом российской истории. В связи с этим сегодня важно сделать акцент на исследовании региональных особенностей Дальнего Востока, определить его место, роль и влияние на ход российской истории, на современные мировые тенденции в политическом, социально-экономическом и культурном развитии Тихоокеанской России и стран АТР. В.Л. Ларин предложил обсудить в ходе работы годовичной сессии наиболее значимые достижения и результаты исследований института в рамках основных научных направлений и по возможности обозначить перспективы.

В первой половине дня было заслушано 4 доклада. Ведущий научный сотрудник отдела этнографии, этнологии и антропологии, к. и. н. **В.А. Тураев** осветил тему «Исторические последствия этнокультурных контактов на российском Дальнем Востоке. XVII—XX вв.», отметив при этом её актуальность в связи с современными процессами глобализации, сопровождающимися ростом этнокультурных контактов, которые, по мнению докладчика, являются главной движущей силой всемирного исторического процесса. Опыт истории свидетельствует, что взаимодействие культур зачастую характеризуется жёстким противостоянием. Присоединение Дальнего Востока к России не было простым и мирным процессом. Автор доклада пришёл к выводу, что завоёванные русскими в XVII в. якуты, эвенки и другие народы Дальнего Востока к концу XIX в. мирно, без войны победили завоевателей. Генеральной линией государственной политики России по отношению к аборигенам являлась консервация их форм социальной организации, быта и хозяйствования. Российская государственная колонизация Дальнего Востока не привела к качественному преобразованию территории. Она не только не способствовала прогрессу аборигенов, но и замедляла модернизацию самих русских и самой России.

Научный сотрудник Отдела этнографии, этнологии и антропологии к. филос. н. **А.В. Поповкин** выступил с содокладом «Христианская миссия на Дальнем Востоке и в странах АТР как форма межкультурной коммуникации: проблемы и перспективы исследования». Миссионерская

практика Русской православной церкви в странах Восточной Азии имела свою специфику и существенно отличалась от характера её деятельности на российском Дальнем Востоке. Православные миссии в Японии и Корее изначально ставили целью обращение местного населения в свою веру. Деятельность православной миссии в Китае начиналась с поддержки плённых албазинцев и их потомков. На Дальнем Востоке России целью проповеди христианства было освоение культурного пространства. Миссионерство сегодня рассматривается как форма межкультурного диалога. Традиционное язычество видится многими представителями коренных малочисленных народов основой сохранения национальной духовной культуры. Успех православной миссии будет определяться тем, насколько ясно она покажет перспективу сохранения традиционной культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока.

Заведующий Отделом востоковедения к. и. н. **Г.П. Белоглазов** выступил с докладом «История России и российско-китайского взаимодействия в китайском россиеведении». Под современным россиеведением в КНР, отметил докладчик, подразумевается изучение в Китае истории России и двусторонних отношений Китая и России в последние два десятилетия. Основные итоги и результаты этих исследований обобщены востоковедами нашего института в коллективной работе «Проблемы истории Китая и международных отношений в трудах китайских исследователей», изданной в 2011 г. В ней освещены актуальные российско-китайские проблемы, такие как «„Горячие точки“ российско-китайских отношений в современной китайской исторической и экономической мысли» (В.Л. Ларин); «Советская модель социализма: её оценка и критика в КНР» (Н.П. Рябченко); «Китайская историография экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая» (Г.Н. Романова) и др. Кроме того, следует отметить вышедшую недавно книгу видного российского китаеведа проф. Ю.М. Галеновича «Россия в „китайском зеркале“», представляющую китайскую трактовку истории России.

Сегодня усилиями учёных-россиеведов Китая сложилось основное видение и интерпретация исторических событий в России. В КНР широко используется термин «советская модель социализма» и активно осуществляется её критический анализ. Такой подход характерен для работ Син Гуанчэна, который не приемлет определения «советской модели социализма» как «сталинской», ведь она продолжала существовать и после Сталина. О значении советского опыта для Китая пишет Юй Гуаньюань (учебный отдел АОН Китая). Он считает, что в ходе строительства социализма необходимо обобщать опыт не только Китая, но и других стран, особенно Советского Союза — первого социалистического государства. После образования КНР многое из того, что делалось в Китае, испытывало на себе влияние СССР, и поэтому, замечает автор, советский опыт во многом является собственным опытом и уроками Китая. По другим публикациям видно, что этот опыт стал восприниматься в основном негативно.

Ещё одним актуальным направлением россиеведения в КНР является история взаимоотношений Китая и России за последние 400 лет.

Господствующие ныне в Китае концепции вполне вписываются в схему, тщательно разработанную в 70—80-х гг. XX в. и нашедшую полное отражение в четырёхтомной «Истории агрессии царской России против Китая», а также в материалах двух Всекитайских научных конференций, опубликованных в 2009 г. в двух сборниках «История и современное состояние китайско-российских отношений». Первый период во взаимоотношениях России и Китая трактуется как «захват царской Россией значительной части китайской территории». В конечном итоге, хотя «...Россия и не была в передовых рядах агрессоров и захватчиков в Китае», она коварно «...воспользовалась безвыходным положением цинского правительства» и в результате «...получила наибольшие выгоды»: «...по трём договорам 1858—1860 гг. 1,5 млн кв. км территории Китая перешли к России». «Стратегической базой в агрессии царской России в Китае», по мнению харбинского учёного Юнь Цзичжоу, стала КВЖД. Разгром Советской армией Квантунской армии и освобождение Северо-Востока Китая от японской оккупации в 1945 г. трактуется рядом китайских россиеведов как «нанесение Советским Союзом ущерба национальному суверенитету Китая». В книге «Тайны Второй мировой войны», вышедшей в Пекине в 2007 г. под редакцией Пэн Сюньхоу, говорится об «оккупации Советским Союзом северных территорий» Японии. И вплоть до настоящего времени КНР де-факто поддерживает территориальные требования Японии к нашей стране.

Ещё одно направление китайского россиеведения, требующее специального рассмотрения, — современное состояние двусторонних отношений. В работе Ли Цзинцзе «Китайско-российские отношения в новом веке» выделены три «болевые» точки современного российско-китайского взаимодействия: неравномерное развитие экономических и политических отношений двух стран, «теория китайской угрозы» и проблема «китайских мигрантов». Ли Цзинцзе, один из самых активных пропагандистов дружественных, основанных на уважении взаимных интересов Китая и России двусторонних отношений является объективным критиком существующих проблем. В Китае есть и другие здравомыслящие люди, понимающие необходимость учёта совпадения национальных интересов России и Китая.

Заместитель директора по науке д. и. н., проф. **Л.И. Галлямова** представила научный доклад на тему «Дальний Восток СССР в годы нэпа: особенности и проблемы современной историографии», в котором подчеркнула, что в 1990-е гг. тема нэпа в СССР резко актуализировалась. На основе использования новых методологических подходов и введения в научный оборот ранее засекреченных источников расширилась сфера научных поисков, возросло количество публикаций. В частности, А.Ф. Киселёв, С.В. Цакунов, В.А. Мау и др. признавали возможность альтернативных путей развития общества, отмечая, что демонтаж нэпа начался из тактических соображений большевиков. Историки И.Б. Орлов, Л.Н. Долгов, А.Т. Мандрик и др. показали, что проведение новой экономической политики на Дальнем Востоке имело особый, «наступательный» характер, без политики военного коммунизма. Кроме того, Дальний Восток ощущал сильное влияние иностранного капитала в структуре народного хо-

зяйства, где преимущество отдавалось развитию сырьевых, добывающих отраслей. В настоящее время обобщающие работы по этой теме представлены только несколькими кандидатскими диссертациями (Е.А. Берестенникова, Е.И. Денисевич, С.В. Безгин, Д.В. Лебедева).

На рубеже XX—XXI вв. в дальневосточной историографии актуализировалось исследование демографической истории, что в немалой степени было обусловлено оттоком населения из региона в конце 1980-х — 1990-е гг. Выросло количество публикаций, освещающих этномиграционные процессы на Дальнем Востоке в 1920-е гг.: переселения, переселенческую политику государства, особенности формирования трудовых ресурсов, численность и размещение населения (А.С. Вашук, С.А. Власов, Л.И. Проскурина, Г.А. Ткачёва, Е.Н. Чернолуцкая, Т.А. Лескова, В.А. Ильина, Ю.В. Пикалов и др.). Впервые темой научного изучения стал гендерный аспект формирования населения Дальнего Востока (Э.А. Васильченко, Н.Г. Кулинич, И.А. Арефьева и др.). Определилось новое тематическое направление — принудительные переселения и тесно связанная с ними проблема репрессий.

Таким образом, в постсоветский период в историографии истории Дальнего Востока в эпоху нэпа произошёл отказ от идеологического диктата, появились возможности для свободного творчества. Изучение отечественной истории обогатилось методологическими новациями, более разнообразным познавательным инструментарием, значительно расширилось проблемное поле исследований, что позволяет отображать историю российского Дальнего Востока 1920-х гг. более обстоятельно и объективно.

Ведущий научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока XVII—XX вв. к. филол. н. **Л.Е. Фетисова** в докладе «История культуры Дальнего Востока России в диалоге исторической науки и культурологии» заострила внимание на необходимости обращения к методологии разных научных дисциплин при анализе такого специфического объекта исследования, как история культуры. В частности, автором отмечено, что аксиологический подход, применяемый в философии и культурологии, даёт возможность оценивать явления художественной жизни, в том числе литературного творчества, не только с эстетических позиций, но и с точки зрения их участия в формировании конкретного культурного пространства. Это положение представляется достаточно важным, поскольку сфера художественного творчества предполагает функционирование не только высоких образцов, но и произведений «второго порядка», которые и поддерживают непрерывность процесса. Л.Е. Фетисова подчеркнула, что дальневосточная литература значима не только для региона: она существенно обогатила тематическую палитру отечественной культуры в целом.

Дневное заседание было продолжено докладом заведующей Отделом социально-политических исследований д. и. н., проф. **А.С. Вашук** «Дальневосточный фактор социально-демографических процессов России во второй половине XX в.». Отмечено, что на фоне краёв и областей Дальнего Востока Приморский край имеет определённые преимущества в области

«приёма» мигрантов (более мягкий климат, наиболее заселённый регион в рамках ДВФО, близость границы и специфическая приграничная торговля). В связи с приближающимся саммитом АТЭС, организацией туристско-рекреационной особой экономической зоны и игровой зоны встал вопрос о привлечении высококвалифицированных работников сферы обслуживания.

В начале XXI в. в Приморском крае ярко проявилась тенденция внешних миграций, которая зависела от уровня и характера отношений России с другими странами СНГ, а также с близлежащими государствами в Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии. По мере развития рыночных отношений в регионе всё большее значение приобрёл экономический фактор. Основными донорами иностранной рабочей силы на дальневосточном рынке труда оставались страны из «дальнего» зарубежья, прежде всего КНР и КНДР.

В условиях демографического кризиса в РФ только сбалансированность иммиграционной политики и стратегии закрепления старожильческого населения за счёт специальных социальных программ, особенно молодёжных, сможет обеспечить стабилизацию заселённости регионального пространства и сохранить постоянное демографическое ядро. Национальной угрозой России является отток молодёжи из Приморского края, начавшийся в условиях радикально-либеральных реформ и смены приоритетов ценностей. Именно молодёжь обладает наибольшей миграционной подвижностью. Её отток, а также падение рождаемости ускорили процесс «старения» региона.

В миграционном обороте Приморского края на протяжении последних лет доминировал высокий удельный вес внутрикраевой миграции населения. В то же время удельный вес международной миграции увеличился в 3,8 раза. В связи с этим, по мнению докладчика, основным упор органы власти должны сделать на ряд социальных мероприятий по закреплению населения и разрабатывать перспективную миграционную политику только в тесной связи с демографической и социальной политикой.

Научный сотрудник Отдела социально-политических исследований к. и. н. **Ю.Н. Ковалевская** выступила с докладом «Маргинализация населения как угроза национальной безопасности (общероссийский и региональный аспекты)». Понятие «маргинальность» появилось в американской социологии в 1920-е гг. для обозначения трудностей адаптации иммигрантов к новым социальным условиям. Маргинал — это человек, находящийся на границе различных социальных групп, систем, культур. С точки зрения истории повседневности маргинал — это человек, который утратил или не приобрёл практические навыки, необходимые для выживания и адаптации в обществе. При этом суть маргинальности — неспособность к воспроизводству устойчивых систем жизнедеятельности, лежащих в основе повседневной жизни. Современная Россия унаследовала маргинальность советского типа — горожан в первом-втором поколении, которые утратили деревенские традиции, но не вполне усвоили современный городской образ жизни. Распад СССР и кризис 1990-х гг. обострил

ситуацию и породил множество новых факторов расширения маргинальных слоёв в России: безработица и появление новых форм занятости, возникновение депрессивных регионов и застойной бедности, внутренняя и внешняя миграция, увеличение числа разводов, рост социальных болезней (алкоголизм, наркомания, туберкулёз, сифилис, СПИД), ухудшение экологической обстановки и здравоохранения, военные конфликты, распад СССР, открытие границ и эмиграция. Таким образом, сочетание различных факторов привело к системной маргинализации населения России, и без целенаправленных усилий государства, общественных организаций и частных лиц эта ситуация сама собой не разрешится, что может привести в перспективе к дальнейшей деградации населения России, падению её экономического и культурного потенциала, утрате государственного суверенитета.

Заведующий отделом информационно-технических систем к. и. н. **А.П. Герасименко** выступил с докладом «Новые векторы развития российского Дальнего Востока в условиях информационного пространства». Интенсивное в историческом масштабе расширение информационного и коммуникационного пространства вызвало в начале нового тысячелетия ряд социальных процессов, которые показали возросшую роль глобального информационного поля. Эти процессы застали врасплох государственные структуры некоторых стран, в том числе и высокоразвитых. Сложившиеся в течение XX в. политические и экономические структуры сегодня начинают подвергаться эрозии. Мы наблюдаем рост социальной активности, в том числе и протестных настроений во всём мире. Перед научным сообществом встаёт проблема оценки закономерностей социального влияния информационного пространства, его роли в историческом процессе, оценки возможностей этого социального феномена в региональном измерении.

В новых условиях информационное пространство будет отражать социальную действительность, в том числе негативные настроения. Для поддержания стабильности информационного пространства российского Дальнего Востока у власти есть только один путь — обеспечение доминирования русскоязычного населения целенаправленной политикой развития региона, привлечением активных, образованных, ориентированных на долговременное проживание граждан России.

Судя по количеству заданных вопросов, все научные доклады вызвали большой интерес аудитории и получили высокую оценку специалистов.

16 марта работа сессии была продолжена. Учёный секретарь ИИАЭ ДВО РАН к. и. н. **В.Г. Макаренко** выступил с отчётом о научной и научно-организационной деятельности института за 2011 г. Об итогах издательской деятельности института сообщила заместитель директора ИИАЭ по науке д. и. н., проф. **Л.И. Галлямова**. Отчёт о результатах международной деятельности в 2011 г. представил заместитель директора по международным связям к. и. н. **С.Ю. Врадий**. Итоги годичной сессии подвёл директор ИИАЭ д. и. н. **В.Л. Ларин**.

В.Г. Макаренко, кандидат исторических наук,
учёный секретарь ИИАЭ ДВО РАН